Переводчик: Антония

Однако эта дама была не заветной девушкой родителей, а уже возлюбленной мужчины.

Су Ци роптал сам себе, но он возобновил старое игривое лицо, улыбаясь, как будто Су Цзюй рассказал уморительную шутку: "Нет никакой дамы вообще". Хватит беспокоиться о моём браке, брат. Через несколько дней я пойду в армию. Там лошади, копья, мечи, схватки лязг, вино и мясо. Это мой мир".

Первоначально он планировал, что как только вернется в столицу, он позволит семье решить за него вопрос о браке, чтобы они беспокоились о нем весь день, но...

Он дотронулся до груди. Сердце отказалось. Оно сопротивлялось человеку... Он не мог найти способ встретиться с незнакомой женщиной и даже подумать об этом.

Нин Шаоцин возвращался, и Мо Цяньсю должен был пойти с ним. Ему лучше избегать встречи с ними.

Он не потому, что не хотел ее видеть, а потому, что хотел увидеть ее, как сумасшедшую. Но что потом? После этого ему было бы только больнее.

Су Ци улыбнулась, но Су Цзинью почувствовал призрак горечи в этой улыбке. Он стал больше беспокоиться об этом младшем брате и решил помочь ему устроить свадьбу.

Он повернулся и занял место, подхватив ароматный чай, который только что прислал Алу, сказав, казалось бы, случайно: "Но ты сказал, что на этот раз, когда ты вернёшься, ты позволишь бабушке устроить для тебя свадьбу". Как ты можешь уйти сразу?"

“…” Это было их дело - устроить брак. В лучшем случае, к тому времени он уже отказался возвращаться. В любом случае, брак был только для того, чтобы удовлетворить их.

"Брат..." Су Цзиньюй сказал серьезно: "Только что я выбрал тебе жену, дочь-основательницу. Она симпатичная и выносливая. Когда освободишься, иди к ней. Если она тебе понравится, я доложу отцу и позволю бабушке говорить за тебя..."

Су Ци был немного нетерпелив: "Кто бы ни была эта девушка, мне все равно". Я все равно уеду через несколько дней".

Во дворе рыскал курьер, шептал Аяну, книжному мальчику Су Цзюй, который стоял у двери, а потом ушёл.

Лицо Аяна изменилось и вошло в кабинет: "Господи, сюда, пожалуйста. Мне нужно доложить о важных вещах".

Су Цзиньюй мягко сказал: "Скажи это здесь". Посторонних нет". Он никогда не намеревался ничего скрывать от Су Ци. По сравнению с тем, как отпустить его в армию, он предпочел бы, чтобы он оставался дома и помогал ему.

Когда братья работают вместе, любые трудности можно преодолеть! В прошлый раз он очень помог в захвате железного минерала от таинственного человека, что помогло Су Цзинью заложить основу, чтобы стать будущим хозяином.

Наследник семьи супер-ростовщиков не следовал наследственному принципу. Вместо этого члены семьи выбрали из всех сыновей самого выдающегося кандидата, а потом наследник занял эту должность после периода наблюдения старейшин клана.

Конечно, это были правила клана. При фактической реализации, в основном, должность занял старший сын.

Однако, из-за правил клана, вокруг были угрозы. Следовательно, человек, ставший, наконец, новым хозяином, должен был похвастаться реальными знаниями и способностями, поэтому, будучи хозяином, управляющим делами клана, он также неустанно тратил свою энергию на воспитание собственного сына.

Аян взглянул на господина Су Ци, понимая, что имел в виду его повелитель, и без дальнейших колебаний доложил: "Да, повелитель". Дочь-основательница начала резню против дюжины нищих открыто на улице... Ты нужен хозяину немедленно..."

В шоке Су Цзинью встал и ушел.

Су Ци фыркнула. Смелая женщина, которую она должна была убить на улице! Однако, это не изменило бы его решение уйти через два дня.

**

Мо Цяньсюэ созвала собрание в парадном зале, дисциплинировав их и установив правила, а затем вернулась в свою комнату.

Для тех, кто изменил свою преданность, она старалась любыми средствами прогнать их.

Для тех, у кого колебания в сознании, она старалась успокоить их. В конце концов, лояльность не могла быть построена ни за день, ни по приговору.

В своей комнате она практиковалась во внутреннем ци по секретному сценарию, который няня дала ей. Она действительно почувствовала порыв ци, бегущий по всему телу, как непослушная мышь, и была возвышена.

Со временем, может ли она также стать мастером боевых искусств, который может летать, как птица?

Больше спешки, меньше скорости! Она практиковалась три раза, как указано в книге, и лежала в постели. Ей нужно было поддерживать дух, потому что завтра будет трудная война.

Она не должна упасть!

**

В императорском дворце.

Во дворце Цзиньлуань сотни чиновников и офицеров присутствовали на очередном утреннем заседании при дворе.

Все мемориалы, разбитые перед императором, были поспешно закончены в одночасье, критикуя, как возмутительна была дочь-основательница, убивавшая людей на улице, и как неуважительно она относилась к императору...

В принципе, последний приговор по всем мемориалам требовал того же самого: женщина должна быть приговорена к смертной казни по закону, чтобы сохранить справедливость и проявить имперское достоинство.

По мере того, как император читал один мемориал, его лицо становилось немного холоднее. Наконец, лицо стало холодным, как горькая морозная зима.

В ярости Император постучал по столу перед ним. Низкое давление заполнило весь дворец и напугало всех остальных, вставших на колени и молящих о прощении.

Император не посмотрел на них, скрежеща зубами: "Возьми сюда дочь-основательницу". Я хочу услышать, что она скажет..."

Императорская гвардия приняла приказ и взяла группу других, скачущих в особняк Основателя.

Мо Цяньсюэ уже нарядился и ждал приезда людей из дворца.

На ней была круглая булочка, чтобы показать высокий и широкий лоб, который заставлял ее выглядеть и гордой, и благородной, и набор светло-голубой одежды внутри, и обычная внешняя одежда, которую няня Мо и Чуйи сделали из трехсотметрового белого шелка.

Она носила белую одежду не целиком, потому что это было бы оскорблением для Императора. Поэтому этот взгляд должен был, с одной стороны, показать траур ее родителям, а с другой - смутить Императора, напомнив ему, какую ошибку совершила Императрица.

Поскольку Императрица уже была врагом, то она не оставляла места для своего дыхания.

Главная императорская гвардия по имени Цзян Пу всю дорогу сюда беспокоилась о том, что Мо Цяньсюэ сбежала со своими владениями. Если бы он не доставил ее ко двору, то ярость императора была бы вся на нем.

Однако, когда его пригласил в дверь дворецкий особняка Основателя, он сразу же заметил Мо Цяньсюэ, сидящего на стуле в парадном зале и обращенного прямо к нему.

В оцепенении, веря, что его глаза обманули его, он стоял там жестко.

Какая женщина может быть настолько смелой, что не заплачет, не закричит, не испугается и не ляжет в постель, притворяясь больной, совершив такое преступление? Как она могла спокойно сидеть и пить чай? Он боялся, что даже благородный сын может быть таким спокойным и самодовольным.

Но если подумать, то ее спокойствие было вызвано не сильным умом, а глупостью. Эта глупая женщина должна была поверить, что Император простит ее, потому что ее отец спас Императору жизнь...

Какая близорукая женщина! Что император ненавидел больше всего, так это получать доброту от своих подчиненных. Ее претенциозный воздух вскоре привел бы к ее смерти, не зная почему. Охранник презирал ее больше.

Войдя в гостиную, командир гвардии Цзян Пу был слишком удивлен, чтобы что-то сказать, но Мо Цяньсюэ встал и вежливо сказал: "Наверное, офицер приехал сюда по приказу его величества".

Костюм этого человека был похож на костюм стражи, который она видела в императорском дворце, но более величественен, поэтому он должен быть близким стражем императора.

Близкая стража Императора не могла прийти сюда по другой причине.

Мо Цяньсюй ожидал, что Император позовет ее на встречу с ним, поэтому ее тон был спокойным, выражение не вызывало беспокойства.

Император все еще хотел черный деревянный жетон, так что пока он вряд ли убил бы ее.

Тем не менее, всегда было исключение из всего, так что она должна быть осторожна.

Цзян Пу, как главный гвардеец всей императорской гвардии, встретил все виды людей!

На таком близком расстоянии, он легко сказал, что ее спокойствие не было претенциозным или из-за глупости. Сразу же, как он изменил свое мнение, его отношение тоже изменилось.

Вместо того, чтобы издеваться над седовласым мужчиной, он издевался над бедной юношей.

Если бы эта женщина сумела преодолеть это препятствие, ей суждено было бы стать необыкновенной, с которой он, безусловно, не должен был бы быть врагом.

Вот что сейчас у него в голове.

Собрав его мысли, его презрение исчезло, и тон стал мягким. Даже если она умерла позже, она была восхитительной героиней.

"Его величество приглашает мисс. Мо из особняка Основателя на допрос в императорский дворец. Речь идет о вчерашнем убийстве нищих на улице".

Учитывая доброе отношение Цзян Пу, дворецкий вытащил несколько сумок, раздал всем присутствующим стражам и с удовольствием сказал: "Офицер, можно ли послать туда карету, чтобы отвезти даму?". В критический момент, когда это необходимо, люди должны ставить себя в более низкое положение.

Быть отправленным во дворец и доставленным во дворец было два разных понятия.

Цзян Пу на секунду подумал: "Его величество только сказал, что ему нужно встретиться с госпожой. Мо как можно скорее и не запрещал посылать ее в карете". Обычно, когда императорская гвардия отправлялась ловить людей, они приходили в агрессивной позе и яростно захватывали людей. Они никогда не позволяли использовать карету.

Однако для такой женщины можно было сделать исключение. Во всяком случае, Император только сказал, чтобы услышать ее историю, но не сделал акцент на том, чтобы схватить ее во дворце.

Мо Цяньсюэ спокойно сказал дворецкому: "Приведи для меня водителя". Несмотря на то, что она казалась беззаботной и даже слегка вялой, величество не терпело никакого отторжения.

Карета была готова, а водитель все еще был Ау. Император должен был задать этот вопрос, поэтому Мо Цяньсюэ планировала поехать сама, даже без няни Мо.

Няня повернулась назад и пролила слезы.

"Леди". Чуйи и Шиву встали на колени перед конной экипажем и настояли на том, чтобы поехать с Мо Цяньсюэ.

"Что? Ты даже не слушаешь меня?" Она всё ещё была в тоске и безрассудстве, что заставило двух девушек покраснеть глаза и сбросить большие слезы.

Долг слуги - взять на себя вину начальника и умереть за него.

Мо Цяньсюэ отказалась идти с ней, очевидно, потому, что она не хотела перекладывать вину на своих девочек и охранников.

Они были очень тронуты и благодарны госпоже за ее защиту. Если Император действительно решил вынести ей приговор, то к тому времени они уже били в барабан при дворе, чтобы подать жалобу на несправедливость, утверждая, что госпожа только приказала им изгнать вонючих нищих, и что именно они применили чрезмерную жестокость...

Это был их долг - умереть за свою даму. Они были готовы это сделать.

Поездка в императорский дворец была аномально гладкой.

Стоя у ворот Цзиньлуаньского дворца, Мо Цяньсюэ не имел настроения ценить этот величественный дворец, а лишь сделал глубокий вдох, ожидая, когда стража доложится внутрь и начнется бой.

Император сидел высоко, а офицеры и чиновники сидели с двух сторон в торжественной обстановке. Он был слишком далеко, и Мо Цяньсюэ не мог ясно видеть ни его лица, ни выражения, за исключением оттенка ярко-желтого цвета, висящего там.

Однако она ясно видела, как другие люди подглядывали за ней.

Все их выражения говорили одно и то же: Мо Цяньсюэ, ты был мертв.

"Мо Цяньсюэ, иди внутрь и познакомься с его величеством!" Евнух объявил.

Мо Цяньсюэ не осмелился больше оглядываться, покорно вошел во дворец, поприветствовал его с должной вежливостью.

Император остался штормовым и долго не давал Мо Цяньсюэ встать.

Он был Императором и здесь был его двор. Мо Цяньсюэ, конечно, ничего не мог сказать об этом. Она могла только покорно встать на колени, выглядя вполне одержимой собой.

Она смотрела по телевизору только такое доисторическое существо императора и никогда не встречала его в реальной жизни, поэтому пока не понимала его темперамента.

Тем не менее, она знала, что радость или ярость императора отображаются не обязательно его истинные чувства.

Она слышала, как Нин Шаоцин упоминал о том, как этот император делает вещи. Он не был бесполезным и глупым дураком, но, напротив, он был человеком с высоким отношением к себе.

Человек, высоко ценящий себя, не позволял другим легко понять, что у него на уме. Когда он появился в ярости, это не обязательно было плохо, потому что, скорее всего, он только пытался напугать своих подчиненных.

Когда император злился, его одного взгляда было достаточно, чтобы позволить получателю попотеть и встать на колени, чтобы попросить прощения.

Цзиньлуанский дворец был в мертвой тишине. Император, в ярости, не говорил, а остальные тоже не осмеливались произнести речь. Мо Цяньсюэ, стоя на коленях на земле, также оставался неподвижным.

Мо Цяньсюй ждал без всякого беспокойства. Так как она уже была здесь, беспокоиться было бесполезно, поэтому она решила использовать тихий подход.

Император поставил перед собой цель нарушить ее спокойствие и храбрость в этой непредсказуемо пугающей атмосфере, чтобы она стала кроткой отталкивательницей.

Когда ноги Мо Цяньсюэ начали онемевать, Император, наконец, заговорил: "Мо Цяньсюэ, ты признаешь себя виновным?".

"Не признаю". Мо Цяньсю всё ещё стоял на коленях, руки на землю. Она не могла встать, пока Император не попросил её об этом. Она даже не должна смотреть ему в глаза.

"Ты смотришь вверх".

"Да, Ваше Величество."

Мо Цяньсю подняла лицо, но глаза опустили. Смотреть императору в глаза означало большое неуважение.

Тем не менее, из угла глаз, она смотрела на него тщательно.

Это был ухоженный мужчина около тридцати лет, с тяжелыми чертами. Но за текущую жестокость на его лице, он должен быть хорошим красивым дядей.

Его голос был сильным и хриплым, содержащий бесконечное давление: "Я прошу вас еще раз". Вы признаете себя виновным?!"

Это была психологическая битва. Если она изменила свой ответ и умоляла о пощаде, то проиграла. С ужасом был посажен, то человек будет поражен слабым звуком, ноги становятся слабыми, в то время как трясет телом.

Она прочитала много книг по психоанализу еще в современную эпоху, чтобы справиться с деловыми переговорами, которые также коснулись менталитета начальства.

Воздух, который она поставила, решал битву, так что...

Она не должна бояться... Она не должна быть настолько бесполезна, чтобы проиграть до начала битвы.

Вспоминая себя, Мо Цяньсюэ громко ответил: "Я не боюсь"!

Император смотрел на неё. Прямая спина девушки и решительный ответ напоминали ему фигуру.

Эта фигура сохраняла прямую спину и всегда была праведной, никогда не сдавалась и не сдавалась даже перед Императором.

Эта непреодолимая гордость, решимость и уверенность... Женщина, которую он любил больше всего, должна была влюбиться в другого мужчину и умереть за него...

Невыносимо!

С громким шумом, Император, штормовое лицо, охватило все десятки мемориалов в Мо Цяньсюэ с ненавистью.

Нормальный человек подсознательно избегал бы лихих мемориалов.

Но Мо Цяньсю этого не сделал.

Она могла сказать, что на этот раз он был очень зол! Как раз в тот момент, он действительно

думал убить ее, хотя она не знала, почему...

Она должна выдержать этот удар, чтобы рассеять ярость в его сердце.

Все мемориалы ударили по голове Мо Цяньсюэ. У нее разболелась голова, а в следующую секунду по ее лбу стекал теплый поток жидкости.

Ярко-красная кровь стекала по ее лицу, а палящая боль во лбу заставляла ее хмуриться.

Чтобы представить торжественность, обложка тех мемориалов была толстой бумагой, так что в целом, вес мемориала можно было представить себе при падении.

Тик-тик. Кровь стекала вниз...

Капля за каплей, он упал на ее белый траурный костюм, как цветущие сливы, но Мо Цяньсюэ все еще тихо встала на колени, как будто она его вообще не обнаружила.

Она не плакала и не молила о пощаде, позвоночник все еще был прямой.

http://tl.rulate.ru/book/14777/952943